

ПЕРСПЕКТИВЫ "НОРМАЛИЗАЦИИ" В ПОЛЬШЕ

1. При рассмотрении этой проблемы сразу же возникают трудности: как понимать термин "нормализация"? Это выражение, если я не ошибаюсь, стали употреблять после оккупации Чехословакии (1968 г.), когда за подписанием Московского протокола последовал процесс восстановления монопольной власти Коммунистической партии Чехословакии (все попытки, предпринятые во время Пражской весны как внутри самой партии, так и вне ее, и направленные на введение элементов плюрализма, ликвидировались) и абсолютной монополии Советского Союза при определении границ, за которые "реальный социализм" не имеет права выходить. В этих условиях "нормализация" означает восстановление основных элементов, характерных для предшествовавшего Пражской весне политического статус-кво.

Однако само по себе восстановление политического статус-кво вряд ли может считаться успешной "нормализацией". В обоих случаях, когда "нормализация" имела место — то есть в Венгрии после 1956 г. и в Чехословакии после 1968 г. — это понятие включало в себя не только политические, но и экономические аспекты: способность сохранить (или восстановить) относительное экономическое равновесие; предоставление населению каких-то материальных преимуществ и т.д. Так было в Венгрии (см. статью П. Кенде), так было и в Чехословакии. Без экономических достижений, пусть даже небольших, не может быть достигнута политическая "нормализация" — ни на короткий, ни на длительный период. (Если это действительно так, то есть, если для подавления оппозиции монопольной власти компартии необходимо деполитизировать население, уделить больше внимания частным аспектам жизни и т.д., то экономический аспект действительно приобретает особое значение.) Это может стать сдерживающим фактором в политике правительства

(под правительством здесь подразумевается любой центр политической власти — будь то партийное руководство, армия или что-либо другое): она может сдержать экспансионистские тенденции и даже привести к экономическим реформам, как это произошло в Венгрии (но не в Чехословакии), хотя есть риск распространения этих реформ на политическую сферу. Потребности экономики могут вынудить и политические меры (уступки, необходимые для достижения соответствующих экономических целей). Последнее обстоятельство, разумеется, особенно важно в связи с перспективами "нормализации" в Польше.

2. Перспективы "нормализации" в Польше следует рассматривать с учетом опыта "нормализации" в Венгрии и в Чехословакии. Эти освещенные подробно процессы можно интерпретировать по-разному. Мы еще вернемся к аналогиям и различиям этих трех случаев. Но уже сейчас следует указать на фундаментальное различие в способах подавления сопротивления монопольной власти компартии: в Венгрии и Чехословакии это произошло путем советской интервенции, а в Польше — действиями польского аппарата принуждения. Однако "ведущая роль" Советского Союза и в замирении Польши не подлежит сомнению. Выражение "внутренняя интервенция", которое часто используют в связи с введением 13 декабря 1981 г. военного положения, совершенно правомочно. (Тем не менее, существенно, что и в Венгрии, и в Чехословакии внутренний аппарат власти был либо разгромлен, либо ослаблен, и потому оказался неспособным выполнить задачу, оказавшуюся по силам ZOMO* и польской армии под командованием Ярузельского.)

На международной конференции о чехословацких реформах 1968 г., которая состоялась в октябре 1981 г. в Париже, многие докладчики подчеркивали различие между стратегией "ревизионистов" и "неоэволюционистов", причем в большинстве случаев отмечалось преимущество последних. Стратегия "неоэволюционистов" — давление извне, и нет опасности, что они станут инструментом в руках скомпрометировавшего себя руководства. Однако не была принята во внимание (и не только на конференции, но и в реальной политической борьбе) слабая сторона этой стратегии: ориентация только на *давление извне* препятствует

переменам в аппарате власти, что в сочетании со страхом перед последствиями политических перемен создает для аппарата возможность тщательно подготовить сокрушающий удар. В Венгрии в 1956 г. произошла революция, в ходе которой большая часть государственного аппарата (в первую очередь армия) встала на сторону народа, а остатки этого аппарата (политическая полиция) были разгромлены. В Чехословакии руководящие позиции в аппарате государственной власти (даже в армии и Министерстве внутренних дел) заняли реформисты, что позволило предотвратить тайную подготовку государственного переворота. Польские события 1980-1981 гг. были вызваны широким народным давлением. Масштабы народного движения придали ему силу, но в то же время воспрепятствовали присоединению к нему хотя бы части аппарата. Нежелание заручиться поддержкой части аппарата объяснялось тем, что сила масс казалась решающей, вследствие чего, по словам Михника, "железная рука" государства на глиняных ногах осталась незамеченной. По мнению некоторых обозревателей, польские власти пошли на "внутреннюю интервенцию", чтобы спасти нацию от вторжения иностранных сил и добиться "нормализации", утверждая, что "меньшее зло" помогло избежать "худшего". Нелегко определить, как повлияло на политическую обстановку внутри страны подавление народного сопротивления отечественными средствами (внешнеполитическое значение этого факта очевидно). С одной стороны, правительство получило не только пропагандистский козырь, но, что еще более важно, возможность шантажа ("если мы не добьемся успеха, придут они"); однако, с другой стороны, в методе Ярузельского нет устрашающей *окончательности*, характерной для решения чехословацкого и, в особенности, венгерского кризиса. В Польше советские руководители не решились на интервенцию потому, что

"... мы были сильнее, и им пришлось бы заплатить гораздо более высокую цену".

Но каково бы ни было соотношение всех этих разносторонних аспектов, их не следует забывать при анализе перспектив польской "нормализации".

* Моторизованные полицейские подразделения..

3. Официальная польская стратегия "нормализации" весьма напоминает венгерский метод: основы "реального социализма" должны остаться неизменными, поэтому "возврата к положению до декабря 1981 г." быть не может, как не может быть, однако, и возврата к положению до 1980 г. И в официальных заявлениях властей, и в печати, и в процессе принятия решений подчеркнуто уделяется внимание экономическим реформам, подобным принятым в Венгрии. Вскоре после того, как военная администрация объединила под своим началом печать, в Польше началась кампания, в мельчайших деталях повторяющая опыт Кадара. В дальнейшем эта тенденция не только не ослабевает, а, напротив, еще более усиливается. Так, например, проблема самоуправления, как бы "забытая" в период, последовавший за декабрем 1981 г., снова обсуждалась летом 1982 г. Короче говоря, создается впечатление, что идеологи польской "нормализации" решили встать под знамена Кадара, а не Гусака. При этом вполне обоснован вопрос об искренности официальных заявлений, которые по многим причинам — в частности, и в силу традиционных польско-венгерских связей, могут быть использованы властями лишь как временные успокаивающие средства. Тем не менее, большинство независимых наблюдателей сходятся в том, что нынешний польский режим склоняется к примеру Кадара и будет принимать практические меры в соответствии с этим. Я склонен согласиться с такой точкой зрения, и поэтому главной проблемой считаю не *искренность* стремлений властей, а *возможность* применения опыта Кадара в Польше.

4. Вопрос о *возможности* имеет множество аспектов. Начнем с анализа политической силы "кадаристов" в нынешнем аппарате власти (их влияние в Польше и в отношениях с Москвой). Проще всего было бы попытаться определить расстановку сил в польском руководстве так, как это делают "кремленологи" с их свехупрощенной классификацией руководства на "реформистов" и тех, кто придерживается "твердой линии". Но, говоря о персональных переменных в руководстве, не следует забывать, что позиции сторонников "твердой линии" после декабря 1981 г. стали слабее. Если допустить, что Ярузельский намерен действительно пойти по стопам Кадара (а перечисленные

выше признаки указывают на это), то следует отметить, что у него в польском руководстве гораздо более сильная позиция, чем была у Кадара в конце 1956 г. Однако это не так уж важно, если принять во внимание различия в структуре власти, сложившейся в Польше после 1981 г. и в Венгрии после 1956 г. Кадар должен был восстановить разрушенные партийный и государственный аппараты, и он должен был провести кадровые и другие перемены. Но все-таки речь шла о традиционном типе коммунистического аппарата с сильными элементами преемственности, со старыми привычками и цеховыми интересами. Ситуация в Польше из-за использования метода "внутренней интервенции" отличается беспрецедентной ролью военных. Речь идет не столько о военных комиссарах, поставленных в экономические, административные, научные и культурные учреждения в качестве представителей правящей хунты, — их деятельность можно было бы оправдать введением военного положения, — но я имею в виду непрекращающийся процесс перехода ключевых позиций в партийном и государственном аппарате к высокопоставленным кадровым офицерам. Они появились на постах партийных секретарей ведомств, губернаторов, начальников различных отделов (в том числе и отдела кадров ЦК), министров (в том числе и на посту министра внутренних дел), ректора Высшей партийной школы и т.д. Этот процесс, начавшийся задолго до военного переворота 13 декабря 1981 г., в сочетании с широкой чисткой и необходимостью обязательного утверждения военными властями всех назначений на сколько-нибудь ответственные гражданские должности, свидетельствует о глубоких изменениях в структуре аппарата власти. Значение этих перемен становится все более очевидным. В августе 1982 г. орган ПОРП "Трибуна люду"¹⁾ сообщил, что в одно из воеводств направлена специальная комиссия — "Инспекция вооруженных сил", в которую входили также представители различных министерств и Центральной ревизионной партийной комиссии. Это свидетельствует о том, что партийный аппарат постепенно переходит на второстепенную роль по сравнению с военными институтами. Такая трансформация произошла в коммунистическом государстве впервые, и ее влияние на перспективы "кадаризации" трудно определить заранее. Возможно, милитари-

зация аппарата упростит проведение реформ (при условии, что руководство действительно хочет этих реформ), поскольку на смену прежним руководителям с их групповыми интересами пришли новые силы. Но существует опасность, что военные станут жертвой своего же стиля, считая, что любую проблему можно решить приказами и дисциплинарными наказаниями, а это совершенно несовместимо с основными тезисами "кадаризма" и, в особенности, с идеей экономических реформ.

Внешнеполитическое значение польского варианта "кадаризма" представляется мне гораздо большим, чем принято считать. Глубина польского кризиса по сравнению с относительной стабильностью Венгрии еще раз демонстрирует лидерам других коммунистических стран (включая СССР и даже КНР) политическую ценность "кадаризма". Прямых доказательств безоговорочного принятия польского "кадаризма" пока нет, но очевидно, что линия Ярузельского в целом и перемены на верхах польской иерархии, которые позволили укрепить его позиции, имеют поддержку. Есть также признаки усиливающегося интереса к венгерскому опыту на самых высоких уровнях партийного и государственного аппарата в СССР и в Восточной Европе. В определенной степени интерес этот вызван экономическими причинами, и это является дополнительным доводом в пользу "кадаризма". Нет необходимости подробно останавливаться на тревожном состоянии экономики советского блока в целом и его довольно мрачных перспективах, по крайней мере, на несколько ближайших лет. В таких условиях экономический провал Польши становится страшной обузой для стран блока и, в первую очередь, для Советского Союза. Поэтому практические интересы могут взять верх над идеологическими. Если реформы венгерского типа смогут привести к улучшению экономического положения Польши, Москва вряд ли станет препятствовать им. К тому же экономическая реформа и следование линии Кадара может усилить экономическую помощь Польше с Запада (и высвободить ресурсы, которые вынужден сейчас затрачивать на это Советский Союз) и можно даже рассчитывать на комплексные экономические отношения между Востоком и Западом, включая кредиты, в которых остро нуждаются все страны Восточного блока. Во-вторых, экономическая реформа в

Польше с ориентацией на принципы свободного рынка может значительно уменьшить политическую уязвимость тех строгих мер, которые и в дальнейшем неизбежно будет принимать польское руководство, так как в результате реформы правительство будет постепенно освобождаться от ответственности за каждое экономическое бедствие в стране.

Было бы заблуждением утверждать, что "кадаризму" в Польше дан зеленый свет, но я не могу согласиться с утверждением, что, поскольку "кадаризм" неразрывно связан с хрущевской моделью государства, он неприемлем для советского руководства. Многие указывают на гораздо большую гибкость Москвы.

5. Обсуждение факторов, влияющих на стратегию "нормализации" польских военных правителей и их московских хозяев, неизбежно приводит к *экономическим проблемам*, и тут обнаруживается главное различие между ситуацией в Польше сейчас и положением в Венгрии после 1956 г. и в Чехословакии после 1968 г.

В 1956 г. Венгрия понесла тяжелые потери (национальный доход упал на 11% по сравнению с уровнем 1955 г.), но эти потери были временными: официальные данные за 1957 г. уже показывали рост на 9% по сравнению с 1955 г., а в последующие годы производство ежегодно росло на 5-6%. Ущерб был восстановлен быстро благодаря нескольким факторам: во-первых, снижение показателей было вызвано не проблемами структурного характера, а физическими разрушениями и организационными проблемами; во-вторых, относительно небольшие размеры страны и лучшая экономическая ситуация советского блока в целом (экономические проблемы в те годы были менее сложными, а потребительские запросы населения ниже) делали возможной экономическую помощь Венгрии; в-третьих, ни у Венгрии, ни у других стран Восточной Европы не было тогда задолженности Западу, а их производственные возможности не зависели от импортируемой из западных стран техники и энергетического сырья.

Экономика Чехословакии 1968 г. была крупнее и сложнее, чем экономика Венгрии в 1956 г. Задача заключалась в сохранении темпов роста, достигнутых после кризиса 1962-1964 гг., что

оказалось более или менее достижимым, — возможно, благодаря помощи СССР (соглашение о ежегодной продаже 5 миллионов тонн нефти по специально согласованной, заниженной и, главное, твердой цене, которая сохранялась несколько лет).

Развал польской экономики вызван не физической разрухой, а глубокой структурной немощью, обусловленной неэффективностью руководства. Этот структурный дефект привел страну к банкротству в ситуации, когда ее производственные возможности в значительной степени зависели от импорта. Падение абсолютного показателя национального дохода началось в 1979 г. и в последующие два года ускорило: в 1981 г. это падение составляло 19% по сравнению с 1978 г. (т.е. национальный доход понизился почти до уровня 1974 г., а в пересчете на душу населения даже до уровня 1972-1973 гг.). Введение военного положения не остановило этот процесс. Падение экономических показателей сопровождалось крахом внутреннего рынка. Критическая ситуация в области внешней торговли с Западом была лишь отчасти компенсирована советской помощью — по причинам, указанным выше и усугубленным сравнительно крупными размерами страны и численностью населения.

Не вдаваясь в детали польской экономической ситуации, можно смело сказать, что в Польше отсутствует один из важнейших факторов "нормализации" и кадаровского и гусаковского типов: способность правительства предоставить населению материальную компенсацию, то есть повысить его жизненный уровень по сравнению с тем, который существовал к началу политического кризиса. Этот фактор исключительно важен, и его отсутствие, безусловно, отразится в других сферах, включая и политическую.

И все же использование экономического "пряника" в качестве политического инструмента правительства не абсолютно исключено в нынешней Польше. Все в мире относительно. Убогость повседневной польской жизни достигла сейчас такого уровня, что даже самое ничтожное улучшение может вызвать у населения чувство облегчения. Например, устранение огромных очередей за продуктами. И очереди действительно были ликвидированы. Но по отрывочным и неточным сведениям, которые поступают из Польши, можно заключить, что политические последствия

этой меры оказались меньшими, чем ожидалось. Очевидно, виной этому — отрицательный политический эффект повышения цен, и не только на продукты, а практически на все потребительские товары и большинство услуг. С другой стороны, в результате повышения цен большинство предприятий получило возможность возместить (или значительно сократить) свои потери. Повышение цен не сопровождалось экономической компенсацией населению и стало действенным антиинфляционным средством. Военная власть решилась пойти на связанный с этим риск. Согласно официальным польским данным, повышение цен сразу же снизило покупательную способность зарплаты, по крайней мере, на 25%. В такой ситуации некоторые политические успехи станут возможными лишь при очень осторожной политике защиты беднейших слоев населения от экономических тягот. Судя по польской прессе, власти понимают значение социальной политики. Каким образом это понимание проявится в практических действиях и как скоро будет достигнут осязаемый прогресс, предсказать невозможно, но было бы неверным утверждать, что польские власти вообще не в состоянии заработать политический капитал путем принятия мер экономического характера.

Другой стороной проблемы является влияние экономического кризиса в Польше на возможность проведения экономической реформы венгерского типа. Венгерская экономическая реформа была не частью "нормализации", а ее результатом, или, по крайней мере, ее заключительным этапом. Подготовка реформы — ее концепции, организации и материального обеспечения (мобилизация ресурсов) — потребовала времени, так что в действие она вступила лишь 1 января 1968 г., то есть через 11 с лишним лет после революции 1956 г. В это время политический компромисс был уже достигнут и правительство имело довольно высокую репутацию. В сегодняшней Польше политическая и экономическая ситуации не пригодны для перехода от системы строгого планирования производства и распределения к системе, в которой действуют некоторые механизмы свободного рынка. В экономической сфере спрос намного превышает предложение, причем это превышение достигло беспрецедентных размеров; производство переживает труднопреодолимый застой,

а это, в свою очередь наносит большой урон международной торговле и создает серьезную угрозу безработицы. Правительство не пользуется доверием населения, а потому не имеет никаких оснований рассчитывать на терпение народа, не говоря уж о поддержке в случае осложнений в ходе реформы. Но, как это ни парадоксально, и с политической, и с экономической точек зрения реформа существующей экономической системы является одним из тех немногих козырей правительства в ставке на успех "нормализации". Прежняя система абсолютно скомпрометирована, и обещание изменить ее может усилить доверие к заявлениям правительства, что возврата к ситуации до 1980 года не будет. К тому же, несмотря на отсутствие многих необходимых для успеха экономической реформы условий, новая система дает больше возможностей для подъема экономики, чем прежняя.

Более всего это относится к мерам по преодолению кризиса в сельском хозяйстве, но в Польше сельское хозяйство имеет решающее значение для общего экономического подъема и не только из-за тяжелой и чреватой взрывом продовольственной ситуации. Порочная сельскохозяйственная политика 70-х годов привела, в частности, к неплатежеспособности Польши. Польское сельское хозяйство нуждается прежде всего в последовательной и долговременной модернизации. В определенном смысле такая же потребность ощущалась и в Венгрии. Венгрия эту проблему решила, — возможно, именно в этом причина относительного успеха "кадаризации". Но в Венгрии сначала был выбран путь коллективизации, и лишь в сочетании с экономической реформой развивались все виды частной экономической активности, что и привело к нынешней уникальной и успешной комбинации. В Польше по причинам, на которых я в этой работе не буду останавливаться, коллективизация как способ модернизации сельского хозяйства абсолютно невозможна, по крайней мере, в обозримом будущем.

Структурные изменения в сельском хозяйстве должны основываться на частном землевладении с перспективой концентрации земель. В настоящее время сельскохозяйственная ферма располагает в среднем 5 гектарами земли, и лишь 4,5% частных ферм имеют более 15 гектар. Исходя из необходимости быстрого увеличения сельскохозяйственной продукции и капитальных

вложений в эту отрасль, решающую роль в развитии сельского хозяйства должны играть экономические стимулы. Ориентация на экономические меры воспрепятствовала возобновлению обязательных поставок зерна даже весной 1982 г. в дни кризиса со снабжением, что не исключает введения обязательных поставок под каким-либо предлогом в будущем. Но если приоритет экономических мер сохранится, возрождение рыночных отношений и свободного предпринимательства должно осуществиться не только в сельском хозяйстве, но и во всей сельскохозяйственной "сфере" — и в снабжении, и в производстве, и в торговле. Жесткая централизованная система управления государственной индустрией, транспортом, торговлей и т.д. вряд ли окажется способной удовлетворить эти потребности — возникает необходимость в экономической реформе в государственном секторе. В польской экономике могут быть использованы и другие факторы, которые стали действовать в Венгрии после проведения там реформы: возрождение частного сектора и предпринимательства на подлинно кооперативных основах за пределами сельского хозяйства. При условии введения новых правил управления экономикой появятся шансы привлечения иностранного капитала для вложений в экономику Польши.

Сказанное выше не исчерпывает, разумеется, всех проблем экономической реформы (проблемы сельского хозяйства, на которые обычно не обращают внимания, здесь были особо выделены), но я думаю, что полезно поспорить с общепринятым мнением, что экономическая реформа возможна лишь в условиях равновесия. Конечно, многие трудноразрешимые проблемы (в особенности связанные с промышленным сырьем и энергетическими ресурсами) должны будут решаться путем спуска директив сверху, но в целом противоречие между срочными нуждами экономики и экономической реформой в Польше может быть преодолено.

Допустима аналогия между нынешней ситуацией в Польше и в советской России после гражданской войны. Возможно, что неопределенность ("всерьез и надолго", — как говорил Ленин) и есть единственный способ спасения Польши.

6. Краткий обзор экономических предпосылок "нормализации" приводит к следующим выводам: имея некоторые возможности заработать политический капитал на сравнительном улучшении положения населения, польское правительство находится все же в худшем положении по сравнению с Кадаром и Гусаком и потому не имеет возможности умиротворить народ экономическими средствами; правительству необходимо быстро и в труднейших обстоятельствах провести в жизнь довольно радикальную реформу: предоставить больше самостоятельности нижним эшелонам власти и взять на себя определенные обязательства по подъему частного сельского хозяйства. Для всего этого определенное *политическое соглашение* необходимо в Польше еще более, чем это было в Венгрии и в Чехословакии.

По мнению исследователей венгерской "нормализации", секрет успеха Кадара коренится в глубоком шоке, который пережил венгерский народ, осознав окончательность поражения. В течение четырех лет эти настроения усиливались жестокими репрессиями в духе Макиавелли — быстро и эффективно. Коллективизация сельского хозяйства 1959-1961 гг. расценивалась как логическое завершение этого процесса:

"Без коллективизации сельского хозяйства вторичное порабощение венгерского народа было бы незавершенным, а сознание необратимости этого поражения не было бы безусловным".

(Кенде)

В Чехословакии 1968 г. и последующих лет "нормализация" была гораздо мягче (без казней). Более значительную роль играло политическое манипулирование (при этом использовались и некоторые реформистские лидеры). Но фактор шока и в Чехословакии имел большое значение:

"Шок, вызванный советской оккупацией, — писал специалист по Чехословакии В. Кусин, — привел к тому, что большинство отказалось от мысли добиваться радикальных политических перемен, и к концу 1970 г. вследствие откровенного запугивания со стороны властей население, в том числе и его наиболее активная часть, было приведено к повиновению".

"Кадаризация" не была осуществлена в Чехословакии по причинам, которые мы здесь не станем рассматривать; отметим лишь, что тезис о необходимости шока и признания собственного поражения для "кадаризации" следует и из опыта Чехословакии.

Сохранилась ли у населения сознательная или бессознательная вера в возможность достижения его политических целей или оно эту веру утратило — очень важно знать при формулировании пути "нормализации" в Польше. Но как уловить все нюансы настроений, в особенности на такой ранней в исторической перспективе стадии? Как уловить их в переплетении самых противоречивых сигналов? Анализ этих вопросов был для меня наиболее труден, здесь мои выводы наименее аргументированы, так как автор находится вне страны и не является экспертом в области социальной психологии.

Очевидна разница в настроениях в последекабрьской Польше и в Чехословакии в 1968-1969 гг: независимое профсоюзное объединение "Солидарность", несмотря на изоляцию лидеров и активистов, несмотря на суровые судебные приговоры за неповиновение последекабрьскому режиму, сохранило способность к организованным действиям, о чем свидетельствуют многочисленные демонстрации, неофициальные издания и даже радиопередачи. Это объединение и цели, которые оно выдвигает, пользуются значительной поддержкой во всех слоях польского общества. Трудно измерить силу этой поддержки и определить, как долго она будет серьезным вызовом режиму. Спротивление существовало и в Венгрии, и в Чехословакии, но в конечном счете оно было подавлено. Не произойдет ли то же самое и в Польше, пусть после более продолжительной борьбы? Лидеры "Солидарности", как находящиеся в заключении, так и те, кто перешли на нелегальное положение, отвечают на этот вопрос отрицательно, но это не значит, что они правы.

Независимая группа польских интеллектуалов сформулировала ответ весьма осторожно:

"Поведение общества, насколько оно поддается анализу в нынешней ситуации, позволяет сделать вывод, что значительное большинство поляков и большинство тех, кто

формулирует общественное мнение, не примирилось с тем, что власти называют 'путем к нормализации'. Граждане расценивают это как стремление лишить их завоеваний, достигнутых между августом 1980 г. и декабрем 1981 г."

Далее, однако, говорится:

"До декабря разногласия между поколениями были главным образом по вопросам тактики и определения возможностей (молодежь была более нетерпеливой и более оптимистичной); сейчас конфликт переходит в сферу идеалов: старшее поколение склонно к уступкам, оно готово частично согласиться с принципами 'реального социализма', молодежь же в большинстве своем настаивает на сопротивлении в различных формах и готова заплатить высокую цену".

Этот вывод, как и некоторые другие, подтверждает, что декабрьский переворот оказал сильнейшее психологическое воздействие на народ, и это воздействие усугубляется непрекращающейся угрозой советского вторжения.

Было бы неправильным поэтому считать, что в нынешней Польше отсутствует послешоковое состояние. Это послешоковое состояние в сочетании с реалиями жизни под властью военнo-коммунистического правительства предоставляет польскому руководству определенные возможности для проведения "кадаризации". Однако глубина шока и масштабы упомянутых возможностей гораздо меньше тех, которые имели место в Венгрии. Это означает, что польское правительство, изначально более слабое в экономическом отношении, вынуждено иметь дело с гораздо более сильным обществом, сохранившим способность к сопротивлению и до сих пор не поверившим в необратимость случившегося. Если это верно, то "нормализация" по-кадаровски не увенчается успехом в Польше, и правительству придется пойти на более широкий политический компромисс.

Судя по всему, польское руководство сознает, что оно не может установить собственные политические порядки. В официальных заявлениях после введения военного положения говорилось о готовности к диалогу с обществом с намеками на воз-

можность соглашения. Однако ни разу не указывалось с полной определенностью, с кем правительство собирается вести переговоры. Последующие действия властей — усиленная пропаганда против "экстремистов", которые, по утверждению правительства, отличаются от рабочего ядра "Солидарности", нежелание объявить об аресте Валенсы и последующее освобождение лидера "Солидарности" и т.п., — могут привести к мысли, что власти пытались расколоть руководство "Солидарности" и найти "умеренного" партнера для переговоров.

В необычайно сложной ситуации, которая сложилась в Польше, особую важность приобретает позиция католической церкви. Церковь отстаивала свою независимость на протяжении всего периода коммунистической власти в стране и в последние годы стала непререкаемым авторитетом в вопросах морали, хранительницей национальных ценностей и главным источником, из которого черпает силы народное движение за демократическое возрождение. Уникальная сила церкви, которая еще более возросла после избрания папой поляка, является, без всякого сомнения, одним из главных факторов, заставляющих правительство вести умеренную, по сравнению с Кадаром и Гусакoм политику. Сила церкви определяет ее роль в попытках правительства достигнуть компромисса с большинством поляков. Церковь — иерархический институт с собственными интересами, и она могла бы стать идеальным партнером в переговорах по достижению компромисса. Но, во-первых, церковь не может стать непосредственным участником политических переговоров, она может лишь оказать влияние на них, а, во-вторых, для достижения приемлемого для властей и народа компромисса необходимо согласие и тех, кто стоит за спиной договаривающихся сторон: Москвы, с одной стороны, и лидеров, представляющих народ, — с другой. Вот почему, несмотря на огромные возможности церкви, перспектива удовлетворительного политического выхода из нынешнего кризиса весьма туманна.

7. Подведем итог. "Нормализация", как она определена в первом пункте, может произойти в Польше лишь при условии, если власти прибегнут к откровенному запугиванию; после это-

го модифицированный вариант "кадаризма" представляется наиболее вероятным решением.

В противном случае "нормализация" в принятом смысле не состоится. Продолжение нынешнего застоя будет означать нестабильность и постоянную угрозу взрыва.

Подлинный политический компромисс, который действительно мог бы привести к экономическому возрождению Польши, означал бы, что "нормализация" по советскому образцу в этой стране провалилась.